

АДРИЕННА БАССО

Единственный
и неповторимый

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б27

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Adrienne Basso

NO OTHER HIGHLANDER

Перевод с английского *А. Фроловой*

Компьютерный дизайн *Г. Смирновой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения издательства Kensington Publishing
Corp. и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Бассо, Адриенна.

Б27 Единственный и неповторимый : роман / Адриенна Бассо ; [пер. с англ. А. Ю. Фроловой]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 320 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-104390-2

Казалось бы, сэр Малколм Маккенна и леди Джоан Армстронг Фрэзер — самая неподходящая пара, какую только можно вообразить. Оба уже состояли в браке прежде, один растит дочь, другая — сына. Ни у Джоан, ни у Малколма нет особого желания вступить в новый брачный союз. И вдобавок ко всему они уже встречались прежде и сразу невзлюбили друг друга.

Однако обстоятельства складываются так, что свадьба их становится неизбежна, и мужественному горцу предстоит узнать, что под маской «капризной принцессы» скрывается нежная женщина, жаждущая любви, а Джоан — распознать в «грубом дикаре» тонко чувствующего человека, способного сделать ее счастливой...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Adrienne Basso 2017
ISBN 978-5-17-104390-2 © Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Глава 1

Шотландское нагорье

1334 год

— Что это за ужасный запах? — Сэр Малколм Маккенна сморщил нос и недовольно взглянул сверху вниз на свою пятилетнюю дочь Лилиас, стоявшую рядом с ним во дворе замка Маккенна. Девочка с шумом втянула носом воздух и покосилась на своего неизменного спутника — большую собаку.

— Это, наверное, Принц. Думаю, его следует испускать.

Услышав свое имя, умная дворняга наострила уши и слегка наклонила голову. Малколм внимательно осмотрел пса, но не увидел навоза ни на его шерсти, ни на лапах. Зато подол платья его дочери почернел от грязи, а туфли, вероятно, выглядели еще хуже. Не приходилось сомневаться, что девочка была в конюшне — в том месте, куда ей строго-настрого запрещалось ходить без разрешения.

Малколм изогнул бровь.

— Принц?

— Да! — Девочка энергично закивала. — Кухарка всегда гонит его из кухни, называя грязной шелудивой дворнягой. Но мы же все равно его любим, правда, папа?

Девочка широко улыбнулась, став такой похожей на свою мать, что Малколм почувствовал грусть. Его устроенный родителями брак с Маргарет Дуглас оказался недолгим, и хотя его нельзя было назвать

несчастливым, все же не к таким отношениям он стремился.

Малколм хотел жену, которая могла бы бросить ему вызов и возбудить интерес, которая имела бы собственное мнение, была бы веселой и жизнерадостной. Он желал, чтобы между ними существовало чувство истинного товарищества, любви и преданности, подобное тому, что уже много лет объединяло его родителей. И, конечно, страсть. Да, он мечтал о женщине в постели, которая воспламенит его кровь и будет смело отвечать на его поцелуи и ласки.

Когда они поженились, Маргарет была добра, мила и так стремилась угодить ему, что он временно чувствовал свою вину, поскольку не мог ответить на ее слепую безоговорочную преданность. Со временем отсутствие явной привязанности с его стороны заставило Маргарет отчаянно за него цепляться, что еще больше отдалило молодых супругов.

Она стала вспыльчивой и уязвимой, часто плакала и еще чаще жаловалась. По правде говоря, ее требовательность утомляла и раздражала. Возможно, они поженились слишком молодыми. Не исключено, что со временем Малколм нашел бы способ сделать ее счастливой и научился бы дарить Маргарет любовь, к которой она так отчаянно стремилась.

Увы, этого ему не суждено было узнать. Маргарет скоропостижно скончалась от лихорадки, когда их дочери еще не исполнилось и двух лет. Малколм искреннее переживал, зная, что остался в неоплатном долгу перед своей молодой женой, которая подарила ему самый ценный их всех возможных подарков — ребенка.

Это был не сын и наследник, о котором молились многие члены клана. Некоторые даже считали, что Маргарет не выполнила свой долг, родив только дочь. Но Малколм знал, что все они ошибаются.

В первый же момент, когда он взял на руки крошечную, извивающуюся всем тельцем Лилиас, Малколм ощутил такой прилив эмоций, что у него подогнулись колени. И по сей день всякий раз, когда он смотрит на проказливое личико дочери, его сердце переполняется любовью.

Он не представлял своей жизни без нее — маленькой шалуни, полной жизни и смеха. Он был отцом самого смелого и безрассудного ребенка на всем Шотландском нагорье. По крайней мере, об этом ему говорили многие члены клана и его собственные родители. Малколм знал, что портил и баловал ее больше, чем следовало, но ведь эти первые годы беззаботного детства проходят так быстро... Ему хотелось насладиться ими сполна, так же, как ими наслаждалась его маленькая дочь.

Малколм и Лилиас прошли через двор и остановились перед тяжелой дубовой дверью, ведущей в большой зал. Принц радостно бежал за ними, свесив на бок длинный язык.

— Нет, Лилиас, Принц не может войти в зал, распространяя такой мерзкий запах, — сказал Малколм. — Твоя бабушка будет недовольна.

Малколм скрестил руки на груди, ожидая, когда дочь признается, что вовсе не собака является источником запаха, а она сама.

Лилиас обернулась к питомцу, потом подняла умоляющий взгляд на отца.

— Я помогу принести из колодца воды, чтобы вымыть его.

Малколм покачал головой.

— Сейчас у меня нет времени, чтобы его мыть. И у других членов клана тоже, — добавил он, предвидя ее реакцию. — Ему придется остаться во дворе.

Родители Малколма тоже безбожно баловали Лилиас, но даже их великодушие не простиралось так

далеко, чтобы вымыть собаку, которую, по их мнению, следовало держать на псарне, а не позволять ей спать в спальне Лилиас под кроватью. К тому же в данном случае навозом разило не от собаки, а от ребенка.

Девочка нахмурилась и прикусила нижнюю губу.

— Принцу будет очень грустно, если он останется снаружи.

— Да.

— Он, наверное, станет гавкать. Очень громко. И даже начнет выть и скулить.

— Вполне вероятно.

У Лилиас задрожали губы.

— А я буду плакать.

Малколм едва не уступил, увидев слезы в глазах ребенка. Но нет. Она должна научиться подчиняться. Это для ее же блага. Ее неоднократно предупреждали, что в конюшне может быть опасно, но она намеренно игнорировала все запреты.

В данном случае, к счастью, с ней ничего не случилось, но ведь никто не знает, что произойдет в следующий раз. Будет ли ей всегда сопутствовать удача? Представив, какие опасности могли подстергать малышку, Малколм почувствовал, как у него заныло сердце.

— Потребуется больше воды, чем несколько твоих слезинок, чтобы отмыть Принца, — сказал он.

Лилиас вытерла глаза не слишком чистой рукой.

— Не так уж плохо он пахнет, — упрямо буркнула она.

— Зато ты пахнешь — хуже некуда. — Малколм наклонился к дочери. — Как это могло случиться?

Лилиас отвела глаза.

— Ты не должен говорить, что от меня плохо пахнет. Бабушка сказала, что невежливо оскорблять леди.

— Совершенно верно. Но, кстати, настоящая ле-
ди никогда не лжет, тем более своему отцу, — с упре-
ком в голосе сказал Малколм.

Девочка насупилась.

— Извини меня за этот запах, папа. Можно я
приму ванну?

— Не раньше, чем ты скажешь, откуда запах.

Девочка глубоко вздохнула и с необычайно се-
рьезным видом сообщила:

— Я наступила в конский навоз.

— Во дворе? — спросил Малколм, решив прове-
рить ее честность.

Глаза Лилиас восторженно загорелись. Она уже
открыла рот, чтобы согласиться, но, помедлив, опу-
стила голову.

— Нет, папа. Навоз был в конюшне. Я принесла
туда морковь и яблоки для лошадей.

Малколм облегченно вздохнул и одарил дочь по-
нимающей улыбкой.

— Мне известно, как сильно ты любишь лоша-
дей, но я уже много раз повторял, что ты не должна
кормить их, если рядом никого нет.

— Но там был Дункан! — запротестовала Ли-
лиас.

— Я говорю о взрослых, — уточнил Малколм. —
Мальчишка десяти лет от роду едва ли сможет защи-
тить тебя от этих животных. Пойми, малышка, этих
коней растили для боя. Слабая девочка легко может
пострадать.

— Я всегда осторожна, — продолжала настаивать
Лилиас. — И лошади меня любят. Они никогда не
причинят мне вред. Я приношу им лакомства и ино-
гда вплетаю в их гривы цветы. Они выглядят такими
красивыми, когда я украшаю их цветами!

Малколм постарался скрыть улыбку, предста-
вив себе своего отца — лэрда и грозного воина

Брайана Маккенну, который устремляется в бой на коне с вплетенными в гриву розовыми цветами вереска.

— Тем не менее, ты должна делать, что тебе говорят, Лилиас.

— Извини, папа. — Лилиас протяжно вздохнула. — Знаешь, как трудно бедной девочке, не имеющей матери, вести себя как следует. Если бы у меня была мама...

— Лилиас! — Малколм нахмурился. — Отсутствие матери не извиняет непослушание, и тебе это отлично известно.

Девочка опустила голову и принялась шаркать ножкой по твердой земле. Малколм увидел комья навоза, прилипшие к ее ботиночкам, и забеспокоился, что тонкая кожа, после того как обувь вымоют, может затвердеть. Жесткие ботинки натрут мозоли, которые сами по себе хотя и не очень страшны, но могут загноиться, если их не лечить. А значит, надо переговорить с сапожником — пусть сошьет девочке новую пару ботиночек.

— Ты все еще сердисься на меня, папа?

Малколм вздохнул. Да, он сердился. Но гнев быстро его покидал. Как бы Лилиас себя ни вела, он был не в силах сердиться на нее долго.

— Да, но не так сильно, как если бы ты продолжала мне лгать, — сказал он и погладил дочь по головке.

Его отвлек громкий стук копыт, донесшийся из-за стен замка. Тревога не прозвучала, но Малколм увидел, как солдаты на крепостном валу разбежались по местам. Встревоженный, Малколм устремил свой взор на ворота, ожидая, что они закроются.

Он машинально потянулся за мечом и с раздражением понял, что его нет на привычном месте — на поясе. Все дело в том, что, вернувшись после трени-

ровки, он отдал меч оруженосцу, чтобы тот почистил его и смазал.

Хорошо, что дерк — кинжал с длинным прямым лезвием — все так же висел на поясе. Малколм не сомневался, что с его помощью, при необходимости, сможет защитить себя и ребенка. Хотя, будучи реалистом, Малколм понимал, что для страхов, в общем-то, нет оснований.

Замок Маккенна был превосходно укреплен — таких на Шотландском нагорье было лишь несколько. Его окружали широкий крепостной вал с высокой квадратной сторожевой башней и стена из серого камня толщиной почти пятнадцать футов. Даже если — что было крайне маловероятно — врагу удастся проникнуть сквозь эти впечатляющие укрепления, он столкнется с армией воинов Маккенна, которые по праву считались самыми свирепыми во всей Шотландии.

В открытые ворота въехал внушительных размеров отряд. Малколм инстинктивно заслонил собой Лилиас, но почти сразу расслабился, узнав человека, возглавлявшего отряд.

— Дядя Джеймс! — взвизгнула девочка и со всех ног побежала навстречу воинам.

Малколм лишь ухмыльнулся, наблюдая, как младший брат спешил, схватил Лилиас, подбросил ее высоко в воздух, после чего крепко обнял и прижал к груди. Сам Малколм пошел вслед за дочерью неторопливо, с чувством собственного достоинства, но, не удержавшись, хихикнул, увидев, как его брат морщит нос, явно стараясь понять, откуда исходит отвратительный запах.

Джеймс быстро сообразил, что источником запаха является Лилиас, но, следует отдать ему должное, продолжал ее обнимать. Девочка радостно повизгивала, обхватив его руками за шею.

В конце концов, аккуратно поставив ребенка на ноги, Джеймс поинтересовался:

— Рассказывай, малышка, что ты натворила с тех пор, как я видел тебя в последний раз?

— Ничего! — воскликнула Лилиас. — Я очень хорошая девочка, всегда слушаюсь и делаю, что мне говорят. — Малколм громко кашлянул. Дочь оглянулась на него и уточнила: — Я очень стараюсь делать то, что мне говорят.

— Думаю, большего от тебя никто и не требует, — сказал Джеймс и потянулся навстречу Малколму, но Лилиас встала между ними.

— А где же тетя Давина? Она с тобой? И где ее ребенок? Он тоже здесь? Я хочу его поддержать. Обещаю, я буду очень-очень осторожна. Бабушка сказала, что я должна молиться за них обоих. Я каждый день молилась за них и за тебя тоже, дядя Джеймс. — Девочка говорила торопливо, опасаясь, что ей не позволят сказать все, что она думает.

Джеймс положил руку на плечо племянницы.

— Тетя Давина осталась в Торридон-Кип. Там она будет жить до рождения ребенка. Но до этого пройдет еще много месяцев.

— Надеюсь, будет девочка, — объявила Лилиас. — Как я.

— О, Лилиас, второй такой, как ты, нет и быть не может, — смеясь, сказал Джеймс и взъерошил волосы племянницы.

— И за это мы все не устаем возносить благодарственные молитвы, — громогласно заявил Брайан Маккенна, в этот момент подошедший к сыновьям.

Лэрд клана Маккенна с улыбкой похлопал сына по плечу и предусмотрительно отошел в сторону, освободив дорогу жене, которая подбежала к Джеймсу и крепко его обняла.

— Почему ты не сообщил о приезде? — упрекнула сына леди Эйлин. — Давина с тобой?

— Нет, мама, она осталась дома.

— Наверное, так лучше, но мне бы очень хотелось ее увидеть. — Леди Эйлин нахмурилась. — Но почему ты нас не предупредил? Если бы я знала о твоём приезде, то велела бы кухарке приготовить все твои любимые блюда.

— Хватит суеты, Эйлин, — проворчал Брайан Маккенна. — Джеймс отлично обойдется тем, что подадут нам всем.

Малколм обменялся веселыми взглядами с отцом, а мать возмущенно стиснула зубы.

— Ты бы лучше последил за своими манерами, Брайан Маккенна, — заявила леди Эйлин, — иначе я позабочусь, чтобы сегодня на твоей тарелке была еда, пригодная только для свиней.

Последовало несколько мгновений напряженного молчания. Маккенна хмуро взирал на жену, а она на него. Не менее хмуро.

Мужчина не выдержал первым. Его широкое загорелое лицо расплылось в широкой улыбке. Леди Эйлин ответила тем же и подставила мужу щеку для поцелуя.

Малколм наблюдал за родителями со смесью смущения и благоговения. Всю свою жизнь он был свидетелем связывающей их глубокой страсти. И она проявлялась во всем. Они ссорились и мирились с одинаковым пылом, и каким-то непостижимым образом умудрялись сохранять внимание и уважение друг к другу.

Став женатым человеком, Малколм искренне не понимал, как такое возможно. Не исключено, что все дело было в любви. Хотя... Все же между ними была не только любовь и кипящие эмоции. Его родители

были связаны узами столь крепкими, что разорвать их было невозможно, как ни пытайся.

Именно на такой брак надеялся Малколм. А судя по выражению беззаветной преданности, появлявшемуся на лице Джеймса всякий раз, когда звучало имя его супруги, его брат находился на верном пути к установлению такого типа отношений.

А значит, они не так уж редки. Их вполне можно отыскать. Меланхолично вздохнув, Малколм понял, что должен продолжать поиски.

Джеймс сделал знак одному из рыцарей своего отряда, и тот вышел вперед.

— Позвольте вам представить сэра Гидеона Крофта. Гидеон, это мой отец, лэрд Маккенна, моя мать, леди Эйлин, и мой старший брат Малколм.

— Для меня большая честь познакомиться с вами, — сказал Гидеон и поклонился.

Лилиас весьма чувствительно ткнула дядю в бок.

— А как насчет меня?

— О, прости меня, малышка. — Джеймс рассмеялся. — Хотя, полагаю, сэр Гидеон уже знает твое имя.

— Знает? — Явно польщенная, Лилиас задрала голову, с интересом рассматривая высокого красивого рыцаря. — А известно ли ему, что я люблю лошадей, собак и больше всего на свете хочу иметь новую маму?

— Я все знаю. — Сэр Гидеон учтиво поклонился девочке. — Для меня большая честь познакомиться с вами, леди Лилиас.

Малышка благосклонно кивнула и одарила рыцаря кокетливой улыбкой.

— Меня еще никто не называл леди Лилиас. Мне нравится.

Все засмеялись. Кроме Малколма, конечно. Его вовсе не позабавил флирт маленькой дочери. Девчонке всего пять лет, а она уже пробует на взрослом

мужчине свои женские чары. Возможно, ей действительно нужна мать, чтобы крепко держала ее в руках.

— Добро пожаловать в замок Маккенна, сэр Гидеон, — сказала леди Эйлин.

— Вы не горец, — заметил Брайан Маккенна и прищурился.

Сэр Гидеон твердо встретил его взгляд.

— Нет, лэрд. Моя мать была француженкой. Я только наполовину шотландец.

— Но это твоя лучшая половина, — усмехнулся Джеймс.

Снова раздался смех.

— Я сражался в крестовом походе бок о бок с вашим сыном, лэрд Маккенна, — сказал сэр Гидеон.

— Да, и пару раз спас мою жизнь, — добавил Джеймс. Он с любовью смотрел на друга, и постепенно напряженность исчезла. Горцы обычно с большой подозрительностью относятся к чужакам, но поддержка Джеймса обеспечила сэру Гидеону теплый прием. По крайней мере на какое-то время.

— Заходите и согрейтесь у очага, — сказала леди Эйлин, взяв под руку Джеймса. А Малколм неожиданно ощутил укол ревности, хотя и понимал желание матери быть ближе к младшему сыну. Его не было дома пять лет — Джеймс отважно сражался в крестовых походах. В прошлом году он вернулся, вскоре после этого женился и перебрался в замок жены.

Леди Эйлин была искренне рада тому, что сын, наконец, вернулся на шотландскую землю, но, тем не менее, часто жаловалась, что путешествие к замку Джеймса и Давины занимает две недели — и это при хорошей погоде. А обычные для Шотландии дожди, превращавшие дороги в реки грязи, добавляли путешественникам неудобств.

Была бы ее воля, все дети — и внуки — леди Эйлин жили бы с ней под защитой прочных стен

замка Маккенна. Однако она понимала стремление Джеймса к независимости и часто говорила, что гордится успехами младшего сына, сумевшего превратить полуразрушенный замок Давины в процветающее поместье.

Войдя в большой зал, Малколм первым делом подозвал одну из служанок:

— Позаботься, чтобы Лилиас как следует вымылась и переделалась в чистую одежду, — велел он. — И надо хорошенько вымыть ее обувь.

Служанка сморщила нос, моментально почувствовав запах, исходящий от ребенка, но не рискнула ослушаться и взяла девочку за руку. Лилиас устремила на отца умоляющий взгляд, но Малколм остался тверд, всем своим видом показывая, что не намерен уступить.

Лилиас сжала кулачки, а на ее лице мольба сменилась негодованием. Малколм даже не моргнул. Лицо девочки покраснело, однако служанка успела увести ее раньше, чем та начала истерику.

Губы Малколма, провожавшего глазами свою строптивую, но уже растерявшую пыл, дурно пахнущую дочь, сложились в слабую улыбку.

Джеймс сел и жестом предложил сэру Гидеону сделать то же самое. Леди Эйлин расположилась рядом с младшим сыном, касаясь его руки, словно боялась, что он исчезнет, если она отпустит.

Брайан Маккенна опустился на большой стул, махнул рукой, — и несколько членов клана, собравшихся в зале, сразу вышли, чтобы обеспечить лэрду уединение.

— Все в порядке? Как себя чувствует Давина? — спросила леди Эйлин.

— Она с каждым днем становится больше, — ответил Джеймс с ухмылкой. — И все больше любит командовать.

— Беременная жена — это и радость, и испытание, — сказал Малколм, очень довольный, что его голос не дрогнул.

Всплеск эмоций, который он почувствовал, узнав, что Давина ждет ребенка, немало удивил даже самого Малколма, и он ощутил большое облегчение, когда понял, что может вполне успешно их скрывать.

Тем не менее, почувствовав на себе пронизательный взгляд матери, он отвел глаза. Временами ему казалось, что она легко читает его мысли, а сейчас он вовсе не собирался ими с нею делиться. Он был рад счастью брата — искренне рад. Но иногда все же испытывал горечь разочарования из-за того, что Давина выбрала Джеймса, а не его.

— Сэр Гидеон приехал сюда с крайнего севера, — сказал Джеймс, — и принес тревожные вести, касающиеся нашей семьи.

Джеймс опустил голову, бросил быстрый косой взгляд на брата, и у Малколма появилось дурное предчувствие. Он постарался отмахнуться от неприятного ощущения, но следы его остались. Должно быть, случилось что-то серьезное, если его брат покинул беременную жену и примчался сюда.

— Расскажите нам эти новости, сэр Гидеон, — предложил лэрд Маккенна.

Сэр Гидеон повернулся к лэрду, и на его лице отразилась озабоченность.

— Как сказал Джеймс, я несколько месяцев провел на севере и услышал там весьма огорчительную историю, касающуюся вашей семьи.

Сэр Гидеон замолчал, поскольку вошли слуги с подносами, нагруженными едой, вином, элем и виски. Как только они расставили еду и напитки на столе, Маккенна властным жестом отослал их.

— Итак, — нетерпеливо проговорил он.

Сэр Гидеон вздохнул.